

Александр Фатеев

Каналы Марса

Александр Фатеев

Каналы Марса

<https://litres.ru/74660603>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каналы Марса? Их не существует, но есть другие загадки, которые открываются пытливым исследователям....

Каналы Марса

Пылевой резонанс

Часть I. Наблюдатели

Доктор Анна Вершинина стояла в шлюзовой камере станции «Сибирь-7», пристёгнутая к поручню, и смотрела, как за иллюминатором медленно вращается марсианское небо. Оно было не красным, как на старых снимках, а каким-то перламутрово-бурым, с прожилками, похожими на трещины в старой керамике.

— Готовность ноль, — раздался в шлеме голос Ивана Ковалёва, её напарника по смене. — Лидар калибруется. Ещё три минуты.

Анна кивнула, хотя он не мог этого видеть. Её глаза были прикованы к горизонту, где над долиной Маринер поднималась едва заметная светлая дымка. Это была не пылевая буря, те начинались иначе, с резким падением давления и воем ветра в швах модуля. Это было другое. То, что они приехали изучать.

— Иван, — тихо сказала она, — ты видишь линии?

Пауза. Потом:

— Вижу. Северо-восток, азимут сорок два градуса. Четыре параллельные. Как рельсы.

Анна улыбнулась под шлемом. Она знала, что он улыбается тоже. Они охотились за этим феноменом восемь месяцев, с тех пор как в архивах «Метеора-47» всплыли странные

данные о лидарных засветках в атмосфере Марса. Тех самых «воздушных каналах», которые российские физики впервые описали над Сибирской платформой, а теперь искали здесь.

– Начинаем запись, – сказала Анна. – Фиксируй всё. Если это то, что мы думаем, через сорок минут эти линии исчезнут.

– А если не исчезнут?

– Тогда мы, возможно, только что сделали самое большое открытие в истории планетологии. Или самое большое заблуждение. Проверим.

Они вышли на поверхность в лёгких скафандрах. Мельчайшие частицы, заряженные статикой, липли к любому металлу, забивались в сочленения, проникали в фильтры. Анна помнила, как в первую неделю на станции они потеряли два датчика влажности только потому, что забыли закрыть защитные кожухи.

Иван развернул переносной лидар на треноге, направил в ту сторону, где висели линии. Анна стояла рядом с планшетом.

– Лазер пошёл, – сказал Иван. – Вижу обратный сигнал. Аномалия плотности... вот она. Высота от двухсот до четырёхсот метров. Ширина каждого «канала» метров сорок. Расстояние между ними около трёхсот.

– Это не каналы, – пробормотала Анна, вглядываясь в экран. – Это вертикальные сгустки пыли. Они стоят как ко-

лонны и не рассеиваются.

Она подняла голову. Низкое марсианское солнце висело над горизонтом, отбрасывая длинные тени. В этом косом свете линии были видны невооружённым глазом: тонкие, почти прозрачные, они уходили вдаль, к краю долины, и терялись в дымке. Они не двигались. Не колыхались. Стояли, как вкопанные, хотя ветер, Анна чувствовала его по дрожи треноги, дул с запада со скоростью метров пятнадцать в секунду.

– Иван, ветер есть?

– Есть. Восемь метров, порывы до пятнадцати.

– А линии стоят.

– Стоят.

Они переглянулись через прозрачные забрала шлемов.

– Это гравитационная фокусировка, – сказала Анна, и её голос дрогнул. – Точно как в статье. Магнитное поле Марса слабое, но неоднородное. Вдоль разломов коры оно образует стоячие волны. Пыль заряжается от трения, попадает в эти волны и выстраивается. Как железные опилки вокруг магнита.

– Только опилки не стоят на ветру, – заметил Иван.

– Опилки не имеют собственного заряда. А эта пыль имеет. Она не просто пассивна. Она резонирует.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Понимаю. Мы только что доказали, что марсианские ка-

налы не иллюзия. Они реальны. Просто не там, где их искали. Не на поверхности. В воздухе.

Вечером они сидели в командном модуле, пили чай и смотрели записи. Линии продержались сорок семь минут, потом начали расплываться и в конце концов растворились в пылевой дымке. Иван зафиксировал момент распада с точностью до секунды.

– Смотри, – сказал он, прокручивая запись. – Когда линии исчезают, пыль не рассеивается. Она перестраивается. Вот здесь, на северной оконечности.

Анна наклонилась к экрану. Там, где только что стояли прямые колонны, теперь проступал едва заметный узор: пересекающиеся под углом линии, образующие решётку.

– Это шестиугольник, – прошептала она.

– Не совсем. Это фрагмент. Если продолжить линии...

– Они замкнутся в гексагон. Как на Сатурне.

Иван откинулся на спинку кресла.

– Я читал статью НАСА. Они считают, что гексагон Сатурна результат взаимодействия гравитационного поля планеты с её кристаллическим ядром. Ядро вращается, создаёт стоячие волны в атмосфере, и газ выстраивается в шестиугольник. У Марса ядро меньше, атмосфера разреженнее, поэтому вместо одного огромного гексагона получается сетка из мелких.

– И эта сетка двигается, – подхватила Анна. – Вместе с

ядром. Поэтому линии то появляются, то исчезают. Мы видим не статичную картинку, а проекцию вращающегося кристалла.

Она встала и подошла к иллюминатору. За стеклом было уже темно, марсианская ночь, короткая и холодная. Но в свете прожекторов станции она видела, как пыль медленно оседает на грунт, словно нехотя.

– Знаешь, что самое странное? – сказала она. – На Земле то же самое. Сибирская платформа, Долина Смерти, Невада. Мы искали это годами, а нашли только сейчас, когда перестали смотреть на небо как на пустое место.

– Ты думаешь, это универсально?

– Я думаю, – Анна обернулась, – что мы живём снаружи гигантского кристалла, который проецирует себя на атмосферу. И если мы сможем нарисовать его структуру целиком...

Она не договорила. Но Иван понял.

– Мы сможем картографировать ядро, – сказал он тихо. – Не пробуя ни одного метра.

Через год в журнале «Планетарная физика» вышла статья, которая наделала много шума. Анна Вершинина и Иван Ковалёв описали механизм, который называли «пылевым резонансом»: процесс, при котором заряженные частицы в атмосфере планеты выстраиваются вдоль гравитационно-магнитных аномалий, создаваемых кристаллической структу-

рой ядра. Статья была подкреплена данными с трёх марсианских станций и двух земных обсерваторий. Гипотеза о том, что марсианские каналы оптическая иллюзия, была окончательно похоронена. Вместо неё появилась новая теория: каналы реальны, но реальны они не как объекты на поверхности, а как динамические структуры в атмосфере, порождённые кристаллическим ядром планеты.

Через два года российско-американская группа под руководством Вершининой построила первую полную карту кристаллической решётки марсианского ядра. Она оказалась не идеально гексагональной, как ожидалось, а слегка искажённой, след древнего столкновения. Карта совпала с данными сейсмондирования с точностью до девяноста двух процентов. Аппараты, которые раньше годами бурили скважины, чтобы заглянуть в недра, теперь могли обходиться орбитальными лидарами и компьютерным моделированием.

Анна стояла на смотровой площадке станции «Сибирь-7», теперь уже не маленького модуля, а целого научного городка, и смотрела, как над долиной Маринер снова поднимаются линии. Теперь она знала, что это не каналы и не иллюзия. Это дыхание планеты, её кристаллическое сердце, проецирующее себя на небо.

– Красиво, – сказал Иван, подходя сзади.

– Красиво. И страшно.

– Почему страшно?

Она помолчала.

– Потому что мы до сих пор не знаем, как это работает. Мы видим проекцию, но не понимаем, что её создаёт. Гравитация? Магнетизм? Что-то третье, о чём мы ещё не догадываемся?

– Наука не заканчивается, – сказал Иван. – Она только начинается.

Она улыбнулась.

– Это ты у кого-то украл?

– У тебя. В прошлом году. Когда мы впервые увидели эти линии.

Они стояли рядом и смотрели, как над красной пустыней медленно разворачивается гигантская, почти невидимая решётка, кристаллическое поле, которое всегда было здесь, просто мы не умели его видеть.

Часть II. Подземоход

К 2331 году «решётка» Марса была нанесена на карты с точностью до метра. Каждый «канал», каждая пылевая колонна, каждая стоячая волна в атмосфере: всё было измерено, промоделировано и объяснено. Кристаллическое ядро планеты, вращаясь, создавало гравитационно-магнитные аномалии, те фокусировали заряженную пыль, и над разломами коры поднимались прозрачные цилиндры. Модель работала. Она предсказывала появление линий с точностью до минуты. Почти.

Доктор Анна Вершинина, теперь уже руководитель отде-

ла планетарной физики Института геофизики РАН, смотрела на голографическую карту Марса и хмурилась. Ей было пятьдесят девять, она давно не летала на Марс, но данные с орбитальных станций шли к ней ежедневно.

– Иван, – сказала она, – подойди. Вот сюда. Западное полушарие, равнина Эллада.

Иван Ковалёв, её бессменный соавтор и друг, подошёл, держа кружку с чаем. На карте светились тысячи тонких линий: голубые, предсказанные моделью, и красные, зафиксированные наблюдениями. Большинство совпадало. Но в районе Эллады, в самой глубокой впадине Марса, красные линии шли вразрез с моделью. Они пересекались под странными углами, образуя узоры, которых там быть не должно было.

– Сколько их? – спросил Иван.

– Двести семнадцать необъяснённых линий. Модель предсказывает сорок. Остальные сто семьдесят семь лишние.

– Ошибка лидара?

– Я проверила трижды. Четыре независимые станции. Линии реальны.

Иван поставил кружку.

– Это значит...

– Это значит, – сказала Анна, – что под Элладой есть что-то ещё. Не только ядро. Что-то, что создаёт собственные аномалии. Локальные. И достаточно сильные, чтобы выстраивать пыль в небе.

Она развернула карту так, чтобы линии стали видны в

перспективе. Иван долго смотрел на них. Потом сказал:

– Знаешь, на что это похоже?

– На что?

– На рисунки Ловелла. Те самые, из девятнадцатого века.

Схема каналов.

Анна замерла. Она не думала об этом. Никто не думал об этом уже больше трёхсот лет: Ловелл был символом научно-го заблуждения, его карты хранились в музеях как курьёз. Но сейчас, глядя на красные линии над Элладой, она вдруг увидела то, чего не видела раньше: узор. Переплетающиеся прямые, пересекающиеся под углами, сходящиеся в узловых точках. Не случайная сетка. Рисунок.

– Ловелл рисовал с Земли, – сказала она медленно. – В телескоп. Он видел не поверхность. Он видел атмосферные структуры. Те самые, которые мы изучаем. Но он видел их не полностью, только самые яркие, самые устойчивые. И он соединял их в линии.

– А если самые устойчивые линии не ядро? – спросил Иван. – А что-то под Элладой?

Она посмотрела на него.

– Тогда Ловелл был прав. Не в том, что каналы искусственные. А в том, что они реальная структура. Просто не та, что он думал.

Проект утвердили через год. К этому времени необъяснённых линий стало триста сорок. Они группировались во-

круг Эллады, но постепенно расползались к северу, к Земле Киммерия, и на восток, к равнине Утопия. Модель кристаллического ядра их не объясняла. Ни одна из существующих теорий не объясняла.

Нужно было посмотреть, что под поверхностью.

Подземоход строили в сборочном цехе на орбите Марса, на станции «Фобос-2». Официально он назывался «Проникающий геологоразведочный комплекс глубокого заложения», неофициально «Крот». Машина была цилиндрической, диаметром три метра, длиной двадцать, с ядерным реактором в корме и плазменным буром в носу. Бур не сверлил породу, он её испарял, создавая за собой туннель, который тут же заливался расплавленной породой. «Крот» должен был пройти сквозь кору, мантию и достичь границы ядра.

Но уже на четвёртом километре глубины он наткнулся на аномалию.

– Плотность породы падает, – доложил оператор, молодая женщина по имени Света, с которой Анна работала удалённо. – Резко. Мы ожидали базальт, а там... пустота.

– Пустота? – переспросила Анна.

– Пещера. Естественная или... – Света замаялась. – Или нет.

«Крот» остановился. Камеры передали изображение: гладкие стены, словно оплавленные, и впереди тёмный проход, уходящий вглубь. Не вертикальный, не горизонтальный.

Наклонный, под углом сорок два градуса.

– Это не карст, – сказала Анна, вглядываясь в экран. – Карст так не выглядит. Слишком ровно.

– Что делаем? – спросил Иван, который сидел рядом.

– Идём дальше. Только медленно. И сканируем всё.

«Крот» двинулся в проход. Через двести метров стены изменились. Они больше не были оплавленными. Они были металлическими.

Металл был тёмным, почти чёрным, с едва заметным синеватым отливом. Спектрометр «Крота» определил состав: железо, никель, кобальт, следы редкоземельных элементов. Но структура была не природной. Металл был слоистым, с регулярными промежутками, словно его отливали слоями, как композитную броню.

– Это сплав, – сказала Света, и её голос дрогнул. – Искусственный. Такого не бывает в природе.

– Возраст? – спросила Анна.

Пауза. Потом:

– Изотопный анализ... три миллиарда лет. Плюс-минус двести миллионов.

В командном модуле стало тихо.

– Три миллиарда, – повторил Иван. – Марс был тёплым и влажным. Ещё была атмосфера. Ещё была вода.

– И кто-то строил это, – закончила Анна.

«Крот» продвигался вперёд. Проход расширялся. Стены

расходились, потолок поднимался. Через полкилометра машина вышла в огромный зал, настолько большой, что лазерный дальномер не сразу нашёл противоположную стену.

И тогда камеры показали то, что заставило всех замолчать.

В центре зала стояла конструкция. Она была геометрической, но не симметричной: переплетающиеся балки, наклонные плоскости, узлы, сходящиеся под странными углами. Она напоминала кристалл, выросший в невесомости, но кристалл, созданный разумом. Каждая грань была отполирована. Каждый узел соединён с другим тонкими нитями, похожими на арматуру, но с регулярной структурой.

Анна смотрела на неё, и у неё перехватывало дыхание. Она узнавала форму.

– Иван, – прошептала она. – Подними архив. Карты Ловелла. Тот лист, где он нарисовал Элладу.

Он не спросил зачем. Просто открыл архив. Через минуту на экране появился старинный рисунок: переплетающиеся прямые линии, сходящиеся в узлах, образующие странный, почти нечитаемый узор.

Анна наложила рисунок на изображение конструкции. Линии совпали. Не идеально, Ловелл рисовал от руки, с искажениями, но совпали. Каждая линия рисунка соответствовала балке. Каждый узел точке соединения.

– Он видел это, – сказала Анна, и её голос был почти шёпотом. – Ловелл видел эту конструкцию. Не с поверхно-

сти. Он видел её проекцию в атмосфере. Пыль выстраивалась вдоль её силовых линий, и он рисовал то, что видел.

– Но как? – спросил Иван. – Она же под землёй. На глубине четырёх километров.

– Она создаёт аномалии, – ответила Анна. – Гравитационные. Магнитные. Она работает как вторая, локальная кристаллическая решётка. Меньше ядра, но ближе к поверхности. Поэтому её линии такие яркие. Поэтому их так много.

Она откинулась на спинку кресла.

– Мы искали каналы триста лет. А они всё это время были здесь. Под нами. И Ловелл был прав. Просто он не знал, что видит не поверхность, а проекцию того, что под ней.

Конструкция была не просто металлической. Она была активной. «Крот» зафиксировал слабое электромагнитное поле, пульсирующее с периодом в двадцать три минуты. Поле было сложным, многослойным, и в нём угадывалась структура: не хаос, а код.

– Это не памятник, – сказала Анна на совещании, которое транслировалось на Землю и на все марсианские станции. – Это машина. Она работает. Три миллиарда лет, и она работает.

– Что она делает? – спросил кто-то из зала.

– Мы не знаем. Но её поле взаимодействует с ядром планеты. Возможно, она стабилизирует его. Возможно, сдерживает. Возможно, она часть системы, которую мы только на-

чинаем понимать.

Она помолчала.

– Мы думали, что кристаллическое ядро природное образование. Что гравитация сама выстраивает материю в решётку. Но теперь мы видим, что кто-то или что-то построило эту конструкцию. И, возможно, не только её. Возможно, вся «решётка» Марса не природный феномен, а инженерный.

В зале стало тихо.

– Вы хотите сказать, – медленно произнёс представитель НАСА, – что Марс был... терраформирован? Три миллиарда лет назад?

– Я хочу сказать, – ответила Анна, – что мы нашли то, что не укладывается ни в одну из наших моделей. И пока мы не поймём, что это, мы не можем утверждать, что понимаем Марс.

Она посмотрела на изображение конструкции, странной, асимметричной, но идеально упорядоченной. И подумала о Ловелле. О человеке, который всю жизнь ошибался, но при этом видел правду. Просто не ту, которую искал.

– Мы продолжим исследование, – сказала она. – «Крот» останется здесь. Мы построим новый, больше, с манипуляторами и лабораторией. Мы войдём внутрь. И мы выясним, что это.

Она выключила связь и посмотрела на Ивана.

– Три миллиарда лет, – сказал он. – Кто-то построил это, когда Марс был живым. А потом... что? Ушёл? Погиб? Или

просто выключил свет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.